

Оригинальная статья / Original article

УДК 347.65

<https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-4-75-87>**Наследственный договор и свобода распоряжения имуществом:
пределы и механизмы защиты**Л.А. Емелина¹, С.А. Яворский²✉¹Президентская академия

пр-т Вернадского, д. 82, г. Москва 119602, Российская Федерация

² ИТ АЛЪЯНС

ул. Климашкина, д. 21, помещ. 3/П, г. Москва 123557, Российская Федерация

✉e-mail: 491899@mail.ru

Резюме

Актуальность исследования обусловлена необходимостью теоретико-правового осмысления наследственного договора как относительно нового для российской правовой системы института, включённого в гражданское законодательство в 2019 году. Несмотря на его закрепление в статье 1140.1 Гражданского кодекса Российской Федерации, правовая природа и конструктивные особенности наследственного договора продолжают вызывать научные споры и практические затруднения. Отсутствие устоявшейся судебной практики, неопределённость в вопросах ответственности сторон, допустимости одностороннего отказа, а также соотношения с завещанием как классической формой распоряжения имуществом на случай смерти – всё это предопределяет потребность в доктринальном анализе. Особенно важна задача выработки правовых механизмов, способных обеспечивать баланс интересов сторон без нарушения принципов гражданского права, включая свободу договора и неприкосновенность собственности.

Целью статьи является раскрытие правовой природы наследственного договора, выявление его доктринальных и практических противоречий, а также формирование предложений по совершенствованию правового регулирования.

Задачи исследования включают: анализ правовой природы наследственного договора, оценку доктринальных позиций и судебной практики, выявление внутренних противоречий статьи 1140.1 Гражданского кодекса Российской Федерации и разработку предложений по оптимизации механизмов ответственности и договорного баланса.

Методология основана на формально-юридическом, сравнительно-правовом и логико-догматическом подходах, позволивших выявить правовые коллизии, оценить зарубежные модели и обосновать необходимость диспозитивной корректировки института наследственного договора.

Результаты исследования подтвердили самостоятельный характер наследственного договора, опровергли его притворность, выявили пробелы в судебной практике, предложили модель диспозитивного обеспечения обязательств и обозначили направления гармонизации статьи 1140.1 Гражданского кодекса Российской Федерации с принципами гражданского права.

Выводы подтвердили необходимость нормативного и доктринального переосмысления наследственного договора как правовой формы, требующей диспозитивной корректировки и судебной конкретизации механизмов ответственности за его одностороннее нарушение.

Ключевые слова: наследственный договор; односторонний отказ; компенсация убытков; обременение имущества; обеспечение обязательств; наследственные отношения.

Конфликт интересов: Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Емелина Л.А., Яворский С.А. Наследственный договор и свобода распоряжения имуществом: пределы и механизмы защиты // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2025. Т. 15, № 4. С. 75–87. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-4-75-87>.

Поступила в редакцию 25.06.2025

Принята к публикации 16.07.2025

Опубликована 29.08.2025

Inheritance agreements and freedom to dispose of property: limits and protection mechanisms

Ludmila A. Emelina ¹✉, Sergey A. Yavorsky ²

¹ Presidential Academy

82 Vernadskogo Ave., Moscow 119602, Russian Federation

² IT ALLIANCE

21 Klimashkina Str., premises. 3/P, Moscow 123557, Russian Federation

✉ e-mail: 491899@mail.ru

Abstract

The relevance of the study is due to the need for theoretical and legal understanding of the inheritance contract as a relatively new for the Russian legal system institute included in the civil legislation in 2019. Despite its enshrinement in Article 1140.1 of the Civil Code of the Russian Federation, the legal nature and constructive features of the inheritance contract continue to cause scientific disputes and practical difficulties. The lack of established judicial practice, uncertainty in the issues of liability of the parties, admissibility of unilateral refusal, as well as correlation with the will as a classic form of disposition of property in case of death - all this predetermines the need for doctrinal analysis. Especially important is the task of developing legal mechanisms capable of balancing the interests of the parties without violating the principles of civil law, including freedom of contract and inviolability of property.

The purpose of the article is to reveal the legal nature of the inheritance contract, to identify its doctrinal and practical contradictions, as well as to formulate proposals to improve legal regulation.

The objectives of the study include the analysis of the legal nature of the inheritance contract, assessment of doctrinal positions and judicial practice, identification of internal contradictions of Article 1140.1 of the Civil Code of the Russian Federation and the development of proposals to optimize the mechanisms of liability and contractual balance.

The methodology is based on formal-legal, comparative-legal and logical-dogmatic approaches, which allowed to identify legal conflicts, evaluate foreign models and justify the need for dispositive adjustment of the institute of inheritance contract.

The results of the study confirmed the independent nature of the inheritance contract, disproved its sham, identified gaps in judicial practice, proposed a model of dispositive security of obligations and outlined the directions of harmonization of Article 1140.1 of the Civil Code of the Russian Federation with the principles of civil law.

The conclusion confirmed the need for normative and doctrinal rethinking of the inheritance contract as a legal form that requires dispositive adjustment and judicial specification of liability mechanisms for its unilateral breach.

Keywords: inheritance contract; unilateral refusal; compensation of losses; encumbrance of property; security of obligations; inheritance relations.

Conflict of interest: The Authors declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Emelina L.A., Yavorsky S.A. Inheritance agreements and freedom to dispose of property: limits and protection mechanisms. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law.* 2025;15(4):75–87. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2025-15-4-75-87>.

Received 25.06.2025

Accepted 16.07.2025

Published 29.08.2025

Введение

Наследственный договор (ст. 1140.1 ГК РФ) относят к категории двусторонних договоров, заключаемых между будущим наследодателем и наследником или наследниками. Данный институт был

введён в российское законодательство с 1 июня 2019 г¹ и считается революцией

¹ О внесении изменений в статью 256 части первой и часть третью Гражданского кодекса Российской Федерации: Федер. закон от 19 июля 2018 г. № 217-ФЗ; послед. ред. //

института гражданского права [1, с. 923]. Несмотря на формальную новизну наследственного договора в российской правовой системе, его исторические корни прослеживаются до постклассического римского права, где *pactum fiduciae* выполняло схожую функцию, что ставит под сомнение утверждение о полной оригинальности современного подхода [2, с. 82].

Задачей договора является распределение взаимных обязательств, определяющих после смерти наследодателя условия перехода имущества, а обязательства сторон начинают исполняться еще при жизни наследодателя. В этом и заключается отличие наследственного договора от завещания, относимого к односторонней сделке. Существующим риском для наследника является возможность наследодателя подарить наследственное имущество третьим лицам, тем самым обесценив заключенный ранее договор. Кроме того, наследодатель может в одностороннем порядке расторгнуть договор (ч. 10 ст. 1140.1 ГК РФ), компенсировав стороне только фактические убытки. Стоит отметить, что данная норма закрепляет возможность одностороннего отказа наследодателя от исполнения договора при условии компенсации понесенных наследником убытков. В судебной практике актуальность проблемы реализации этой нормы редко поднимается, а её системное толкование остаётся неустоявшимся.

Методология

Методология исследования основывалась на комплексном применении формально-юридического, сравнительно-правового, системного и логико-догматического методов, что позволило авторам всесторонне проанализировать природу наследственного договора как правового

института. Формально-юридический метод был использован для выявления коллизий между диспозитивными нормами ст. 1140.1 ГК РФ и фундаментальными принципами гражданского права, в частности правомочиями собственника. Сравнительно-правовой подход дал возможность сопоставить отечественную модель наследственного договора с правовыми конструкциями, закреплёнными в законодательствах Германии, Швейцарии, Австрии и ряда других стран, с целью выявления универсальных и уникальных черт. Системный анализ позволил установить взаимосвязь норм наследственного и обязательственного права, а логико-догматический метод способствовал доктринальному разграничению понятий притворности, безвозмездности и договорного баланса. Такое методологическое основание обеспечило обоснованность предложений по гармонизации судебной практики и развитию диспозитивных механизмов ответственности в рамках наследственного договора.

Результаты и их обсуждение

Логическим продолжением научных споров о природе наследственного договора является анализ допустимости сохранения за наследодателем права свободного распоряжения имуществом, на что обоснованно указывают А.В. Ерлинг и Д.Д. Соловьев, связывая это с нарушением устойчивости правоположения наследника и девальвацией сути наследственного договора. Их доктринальные позиции акцентируют внимание на том, что положения ч. 12 ст. 1140.1 ГК РФ, позволяющие наследодателю совершать любые сделки с имуществом, нарушают баланс интересов, ввиду чего «наследник находится вдвойне в неустойчивом положении» [3, с. 90] и такое обстоятельство лишает сам наследственный договор всякого смысла. Однако принцип свободы собственности (ст. 209 ГК РФ) несовместим с попытками ограничить права наследодателя. Существующее регулиро-

КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_302862/ (дата обращения: 27.04.2025).

вание наследственного договора порождает реальную угрозу смещения интересов в пользу наследодателя, особенно с учетом предоставленного ему широкого усмотрения при установлении условий. Именно поэтому юридическая конструкция должна быть дополнена гарантированными механизмами защиты интересов второй стороны, такими как неустойка и поручительство, которые способны сгладить диспаритет и обеспечить равновесие при исполнении обязательств [4, с. 82].

Эта дилемма повторяется в дискуссиях о природе смежных конструкций: «летат, будучи обязательственным правом, не создает вещного обременения, так как он не следует за имуществом при отчуждении» [5, с. 6].

Исследователи обоснованно предупреждают, что предоставление наследодателю неограниченной свободы в распоряжении имуществом по наследственному договору без учёта механизмов предотвращения злоупотреблений может создавать значительные риски в правоприменительной практике [6, с. 71].

Тем не менее наследник имеет право включить в договор условие о неустойке за отчуждение имущества. Если имущество будет впоследствии отчуждено, то на основании ст. 1112 ГК РФ наследник может требовать возмещения стоимости из наследственной массы. Стоит учитывать тот факт, что российский законодатель в данном случае отказался от жестких форм ограничений в пользу гибкости, в связи с чем подобные трудности с имуществом могут решаться через договорные условия, а не императивные запреты.

Принимая во внимание гибкость регулирования наследственного договора и отказ законодателя от жестких ограничений распоряжения имуществом, представляется целесообразным обратиться к анализу правовой природы самого договора, в частности к выдвинутой кандидатом наук Н. С. Бессарабом концепции его притворности при отсутствии взаимности

обязательств сторон. В правовом анализе указанного исследования обращается внимание на то, что «наследственный договор стоит считать притворной сделкой» [7, с. 79]. Основанием подобного тезиса служит идея, что при отсутствии взаимности обязательств сторон, когда наследодатель обязан, а наследник лишь приобретает права, договор утрачивает характер двусторонней сделки. Такая ситуация делает возможным его восприятие как завещания, прикрытого договорной формой, что порождает риск признания сделки притворной на основании ст. 170 ГК РФ.

На фоне неоднозначности в толковании правовой сущности наследственного договора важно учитывать, что в отличие от завещания он представляет собой взаимосогласованную двустороннюю сделку, правовые последствия которой зависят не только от воли наследодателя, но и от действий наследополучателя [8, с. 132].

Стоит также отметить, что стороны договора самостоятельно определяют его условия, согласно положению п. 3 ст. 421 ГК РФ. Следовательно, безвозмездность договоров не может быть исключена как из института наследственного договора, так и из общей теории договорного права. Кроме того, притворность подразумевает наличие скрытой сделки, а не отсутствие сбалансированности обязательств сторон: в данном случае такой дисбаланс является законным и не прикрывает завещание. Таким образом, обязательственная односторонность является особенностью конструкции наследственного договора и не может создавать притворности, равно как и договор дарения, являющийся также односторонне исполняемым договором. Это означает, что с точки зрения гражданского права было бы некорректно и ошибочно приравнивать наследственный договор к притворной сделке.

Отвергнув доводы о притворности наследственного договора, научная дис-

куссия логично переходит к анализу правовых последствий установления ограничений на обременение имущества, что находит отражение в критике федерального регулирования. На уровне теоретического обобщения высказывается тезис о том, что федеральный законодатель совершил серьёзную правовую ошибку, установив «запрет на обременение имущества, являющегося предметом наследственного договора» [7, с. 79]. Отсылая читателя к норме ч. 12 ст. 1140.1 ГК РФ, Н.С. Бессараб упускает то обстоятельство, что запрет может ограничить право собственности наследника (ст. 209 ГК РФ).

Системная критика затрагивает противоречие между конституционной свободой собственности, закреплённой в ст. 35 Конституции РФ, и жесткой регламентацией наследственных обязательств. В этом аспекте С.Н. Гаджиева справедливо подчёркивает, что п. 12 ст. 1140.1 ГК РФ содержит жёсткое правовое предписание, не допускающее вариативности условий наследственного договора по усмотрению его участников, что снижает гибкость регулирования в частноправовых отношениях [9, с. 664]. Это указывает на нормативную приоритетность публичных интересов над договорной автономией.

Вероятнее всего, данное обстоятельство спровоцирует риски злоупотреблений со стороны наследника, который получил бы возможность требовать реализации имущества при жизни наследодателя.

В целом зарубежная практика демонстрирует тот факт, что эффективность наследственного договора тесно связана с ограничением свободы распоряжения имуществом, принадлежащим наследодателю, после заключения договора. Особенно это касается случаев, когда договор наделяет наследника определёнными правами с момента его подписания.

В правовых конструкциях зарубежных стран существуют модели, предусматривающие обременение наследственного имущества. В германском праве наследственный договор (Erbvertrag, § 1941 BGB) выступает инструментом ограничения распоряжения имуществом, налагая запрет на его отчуждение при жизни наследодателя и требуя регистрации условий договора с целью сохранения объекта наследования в натуре.

Швейцарское законодательство (ст. 494 Гражданского кодекса) ограничивает продажу наследственного имущества в течение определённого срока.

Австрийское право (§ 1249 ABGB) и Гражданский кодекс Чехии (ст. 1475) обязывают наследника нести бремя содержания имущества, а его нарушение может позволить наследодателю оспорить переход прав. Передача имущества третьим лицам запрещена. Законы некоторых штатов (например, Калифорния) обременяют наследственные договоры (inheritance agreements) через условные завещания или трасты: например, наследник может вступить в права наследования только в случае проживания в доме.

В Литве и Латвии (ст. 648 Гражданского закона) правовая конструкция обременения тяготеет к залогоу, однако такое положение противоречит положениям ст. 209 ГК РФ, гарантирующим свободу договора.

В контексте конституционного принципа охраны права наследования доверительное управление выступает как правовой инструмент, способствующий обеспечению сохранности имущества в рамках наследственного правопреемства и минимизации рисков его обесценивания при переходе к наследникам [10, с. 45].

Подобные механизмы в отечественном законодательстве могут внедряться через специальные обеспечительные меры, к которым может относиться, например, страхование ответственности на-

следника, что не нарушит принцип свободы распоряжения. Кроме того, стоит рассмотреть такие инструменты, как неустойка и поручительство, также не требующие обременения имущества. Этот вывод подтверждает положение ч. 12 ст. 1140.1 ГК РФ, которое действительно запрещает ограничения распоряжения имуществом, однако не воспрепятствует обеспечению обязательства наследника, которое может быть добровольным. Более аргументированной была бы предложенная дифференциация обременений имущества и обеспечения обязательств, которую Н.С. Бессараб не проводит.

После рассмотрения возможностей обеспечения исполнения условий наследственного договора без нарушения свободы распоряжения имуществом целесообразно перейти к обсуждению иных доктринальных позиций, касающихся момента возникновения наследственных прав и принципа стабильности договорных обязательств. В рамках специализированной научной дискуссии кандидатом наук Н.Г. Шатверян в совместной работе с Е.А. Сбитневой аргументируется, что «права наследников на имущество возникают со дня смерти наследника, а не с момента принятия наследства» [11, с. 50], и считают это положительным моментом наследственного договора. Также Т.В. Конопляникова, ссылаясь на ст. 310 ГК РФ, убеждена «в недопустимости одностороннего отказа от договорных обязательств» [12, с. 251] в аспекте сохранения принципа неизменности наследственного договора.

Тем не менее ст. 1152 ГК РФ чётко устанавливает, что наследственные права возникают не автоматически, а требуют волеизъявления наследника в форме принятия наследства. Дискуссия о моменте возникновения наследственных прав дополняется анализом правовых последствий смежных институтов. Уточнение В.В. Богдан, что «постмортальный брак не порождает права наследования» [13, с. 114], акцентирует принципиальное от-

личие наследственного договора, где обязательства формируются при жизни наследодателя.

В силу ст. 1162 ГК РФ, даже при наличии наследственного договора, оформление прав осуществляется нотариусом в общем порядке путём выдачи свидетельства о праве на наследство. При этом п. 3 ст. 1140.1 ГК РФ прямо допускает возможность отказа от наследства, что логически исключает модель безусловного правопреемства. Следовательно, тезис Н.Г. Шатверян вступает в противоречие с установленной системой наследственного регулирования и может ввести в заблуждение относительно автоматизма перехода имущественных прав. Также необходимо учитывать, «что наследственная масса до ее принятия рассматривается в роли субъекта» [14, с. 73]: это обуславливает особый режим ответственности и управления имуществом до момента оформления наследственных прав.

Установив, что наследственные права по наследственному договору не возникают автоматически и требуют волеизъявления наследника, представляется обоснованным перейти к рассмотрению иной дискуссионной проблемы – допустимости одностороннего отказа от наследственного договора, вызывающей серьёзные споры в научной среде.

Одна из доктринальных конструкций призывает исключить из института наследственного договора возможность одностороннего отказа от договора, приравнивая это к категории кабальных сделок, ущемляющих права одной из сторон [7, с. 79]. Исследователи рассуждают о положениях ч. 10 ст. 1140.1 ГК РФ, которые допускают в отношении наследодателя право на односторонний отказ, что соответствует норме ст. 209 ГК РФ, декларирующей принцип свободы распоряжения имуществом.

При таком взгляде учёных будет проигнорирован компенсационный механизм, когда наследодатель обязан возме-

стить убытки наследникам, что обеспечивает баланс интересов и вводит в крайнюю степень переоценённости противоречия между принципом неизменности и действующим законодательством.

Кроме того, данный подход учёных является по своему содержанию кабальным и нарушает баланс интересов сторон, т. к. ситуация с момента подписания наследственного договора до момента смерти может кардинально измениться даже в плане отношений между сторонами договора. Диспозитивность права на односторонний отказ находит своё подтверждение в ст. 450.1 ГК РФ, а его предлагаемая отмена может привести к злоупотреблению со стороны наследника. Несмотря на формальное наличие данного права, его осуществление обременено сложной уведомительной процедурой, что может ограничивать эффективность правовой защиты наследодателя [15, с. 83] и противоречить принципу соразмерности, закреплённому в конституционной доктрине. В связи с этим можно рассматривать только ограничение права отказа при наличии встречных обязательств, но никак не полное исключение такого права.

Продолжая обсуждение допустимых границ диспозитивности в регулировании наследственного договора, целесообразно рассмотреть также предложения о введении ограничений на заключение последующих наследственных договоров, выдвинутые отдельными теоретиками. Так, кандидат наук М. В. Конохов предлагает в отношении одного и того же имущества ввести «ограничения действий наследодателя по заключению последующих наследственных договоров» [16, с. 119]. Указывая на п. 12 ст. 1140.1 ГК РФ, исследователь предлагает ограничить существующее право наследодателя. Правовая конструкция наследственного договора сопряжена с угрозой утраты наследства, если наследодатель, получив встречное исполнение, производит отчуждение имущества до открытия

наследства, оставляя наследника без предусмотренного договором объекта. Однако стоит учесть, что п. 12 ст. 1140.1 ГК РФ был введён законодателем ради сохранения принципа свободы собственности и прижизненного распоряжения, а его отмена противоречит ст. 35 Конституции РФ. Во избежание подрыва принципов правовой определенности и стабильности гражданских правоотношений, следует нормативно утвердить правило, исключающее множественные обязательства относительно одного объекта, поскольку «одно и то же индивидуально-определенное имущество не может являться предметом нескольких наследственных договоров, заключенных с разными лицами», что соответствует требованию юридической предсказуемости и защите имущественных интересов участников [17, с. 49].

Таким образом, в данном аспекте мы видим целесообразность не во введении прямых запретов, а в применении обременяющих условий, таких как: залог, запрет на отчуждение, опцион. Это может потребовать доработки положений ст. 1140.1 ГК РФ, но не её отмены.

Исследовательская позиция доктора наук С.С. Шевчук, озвученная в контексте правового анализа собственности, предполагает, что законодатель уже отступил от принципа правового равенства, предоставив тем самым «наследодателю право на односторонний отказ от наследственного договора» [18, с. 77]. С точки зрения гражданского права наследственный договор можно отнести к сделкам особого режима: наследодатель может сохранить право собственности до самой смерти, а право на отказ (п. 10 ст. 1140.1 ГК РФ) может быть компенсировано его обязанностью возместить причинённые им убытки наследнику, что уравнивает интересы сторон.

Исходя из аналогии семейного права, договор ренты (ст. 583 ГК РФ) позволяет получателю ренты также требовать её выплаты, но не может расторгнуть до-

говор без последствий. Такая логика вполне применима к условиям наследственного договора.

Поскольку аналогия с договором ренты демонстрирует наличие особого режима ответственности сторон в наследственном договоре, логичным продолжением научного анализа является рассмотрение позиции о его консенсуальной или формально-правовой природе. Исходя из анализа действующих норм и научных комментариев, кандидат наук Л.В. Осипова в соавторстве с Е.А. Тихоновой утверждают, что наследственный договор можно признать консенсуальным: он «считается заключенным с момента достижения сторонами согласия по всем существенным условиям в надлежащей форме» [19, с. 193].

Представляется, что такой тезис не лишён спорности. Согласно п. 8 ст. 1140.1 ГК РФ, наследственный договор вступает в силу исключительно при его нотариальном удостоверении, что указывает на его формально-правовую природу. Иными словами, юридические последствия возникают не в момент достижения соглашения, а лишь после соблюдения установленной формы. Избыточная формализация нотариального удостоверения становится источником практических коллизий в ситуациях, когда его реализация невозможна по объективным причинам, в частности для осуждённых, содержащихся в местах лишения свободы, которым нотариальные услуги фактически недоступны в силу организационных и институциональных барьеров [20, с. 61].

Подобная формализация прослеживается и в зарубежных правовых системах: в частности, § 2274 BGB требует нотариального удостоверения для придания юридической силы наследственным соглашениям. Это подтверждает, что формальная природа рассматриваемой конструкции не является случайной, а носит системный характер, как в российской, так и в германской правовой традиции.

Поскольку формализация наследственного договора отражает общую правовую тенденцию обеспечения устойчивости наследственных отношений, возникает необходимость оценить аргументы о преимуществе завещания как альтернативной формы распоряжения имуществом на случай смерти. В рамках толкования правовой природы высказано мнение, что наследодателю вместо заключения наследственного договора следует «ограничиться составлением завещания, что, на наш взгляд, является более простой процедурой» [18, с. 77]: она не требует согласования интересов участников договора, а права завещателя будут защищены принципом тайны завещания. Такое суждение спорно по ряду причин. Безусловно, односторонняя сделка проще в техническом плане, однако утверждать относительно предпочтительности завещания по сравнению с договором весьма субъективно. Данная позиция никоим образом не раскрывает функциональных преимуществ наследственного договора. Кроме того, наследственный договор учитывает встречные обязательства, возложения, жизненные соглашения между родственниками, что не представляется возможным в рамках завещания. Анализируя природу наследственного договора, следует отметить, что его прозрачность в процессе регулирования семейных отношений и передачи имущества является не недостатком, а ценным качеством. Это особенно актуально при распоряжении бизнес-активами или общей собственностью. Тайна завещания, напротив, может вступать в противоречие с необходимостью соблюдения интересов обязательных наследников или супруга.

Проблема некорректной оценки активов характерна и для других наследственных механизмов. В литературе неоднократно подвергалась «критике судебная практика оценки права пожизненного проживания методом долгосрочного прогнозирования, игнорирующего лич-

ный и неотчуждаемый характер такого права» [21, с. 28].

В связи с этим утверждение о преимущество завещания за счёт его тайны и упрощённой формы представляется научно необоснованным и носит оценочный характер. Таким образом, содержание тезиса не раскрывает значение наследственного договора как эффективного средства договорного урегулирования имущественных отношений между наследодателем и наследниками.

Хотя тайна завещания, по мнению С.С. Шевчук, создаёт риски для обязательных наследников, судебный прецедент (дело № 33-6473/2023) иллюстрирует доминирование наследственного договора в гражданском и корпоративном праве, однако неучтённые судом нормы о компенсации убытков при отказе наследодателя (п. 10 ст. 1140.1 ГК РФ) актуализируют необходимость гармонизации семейного и наследственного законодательства. Ответственность наследодателя при отказе от исполнения наследственного договора нашла своё отображение в определении Тюменского областного суда от 11 декабря 2023 г.¹ В деле № 33-6473/2023 суд признал недействительными свидетельства о праве на наследство, выданные на основании завещания 2017 г., ввиду заключения между супругами в 2021 г. наследственного договора. Завещание и договор были признаны взаимоисключающими, а договор, оформленный в Германии, был признан действительным и распространяемым на имущество в России. Суд обоснованно

установил приоритет наследственного договора, однако оставил без оценки ключевой аспект – действия наследодателя в контексте положений п. 10 ст. 1140.1 ГК РФ.

Согласно этой норме, при отказе от исполнения условий наследственного договора наследодатель обязан компенсировать убытки другой стороне. Составление нового завещания вопреки ранее заключённому договору может рассматриваться как фактический односторонний отказ от исполнения, влекущий юридические последствия. Однако суд не проверил наличие причинённых убытков, не исследовал, были ли исполнены обязательства стороной договора, и не связал данные обстоятельства с возможной ответственностью наследодателя.

Игнорирование положений п. 10 ст. 1140.1 ГК РФ ослабляет правовую конструкцию наследственного договора, сводя его эффективность к простой формальности без механизма защиты сторон. Решения судов наглядно выявляют системную проблему: в юридической аргументации судов прослеживается односторонняя установка на защиту намерений наследодателя, при этом интересы наследника как стороны наследственного соглашения игнорируются, что делает такие договоры фактически асимметричными и потенциально оспоримыми в части соблюдения справедливости правового регулирования [22, с. 385]. При этом нормы ст. 12, 56 и 67 ГПК РФ обязывают суд исследовать все юридически значимые обстоятельства, что в данном случае сделано не было.

Таким образом, апелляционное определение формально обеспечило приоритет договора, но не решило проблему ответственности наследодателя за нарушение его условий. Для обеспечения единообразной практики требуется разъяснение Верховного Суда РФ о правовых последствиях одностороннего отказа от

¹ Апелляционное определение Тюменского областного суда от 11.12.2023 по делу № 33-6473/2023 // КонсультантПлюс: сайт. URL: <https://cloud.consultant.ru/cloud/cgi/online.cgi?BASENODE=g4&req=doc&cacheid=1519951A2A23FF9705618B25631B2E36&mode=backrefs&base=AOUR&n=7904178&rnd=1nbI9Q#06rWNjU67M6ofP4x> (дата обращения: 10.06.2025)

исполнения наследственного договора и применении механизма компенсации убытков.

Выводы

Настоящее исследование выявило фундаментальную коллизию между абсолютным характером права собственности наследодателя (ст. 209 ГК РФ) и обеспечением стабильности обязательств по наследственному договору (ст. 1140.1 ГК РФ), порождающую системные риски для наследника, чье положение характеризуется доктринальной двойственностью. Научная новизна заключается в преодолении традиционных дискурсов:

1) опровергнута концепция притворности договора из-за асимметрии обязательств путем демонстрации его функционального сходства с безвозмездными сделками (дарение), что подтверждает автономность института;

2) доказана невозможность механического заимствования зарубежных моделей обременения имущества (германский Erbvertrag, швейцарские ограничения) ввиду их несовместимости с конституционными гарантиями свободы распоряжения (ст. 35 Конституции РФ);

3) разработана оригинальная концепция «диспозитивного обеспечения», предлагающая замену имущественных ограничений гибкими неимущественными механизмами (специализированное страхование ответственности наследника,

условные неустойки, поручительства), которые не нарушают ядро правомочий собственника.

Критически значимым стал вывод о процессуальном нивелировании компенсационной функции п. 10 ст. 1140.1 ГК РФ, что подтверждается судебной практикой (дело № 33-6473/2023 Тюменского облсуда), где игнорирование обязанности возместить убытки при одностороннем отказе наследодателя трансформирует договор в декларативный инструмент. Для оптимизации правового режима требуется не ревизия базовых принципов (сохранение п. 12 ст. 1140.1 ГК РФ обязательно), а системная гармонизация:

а) разработка Пленумом ВС РФ детализированных разъяснений о порядке доказывания и взыскания убытков по п. 10 ст. 1140.1;

б) стимулирование включения обеспечительных условий в договорную конструкцию через методические рекомендации нотариата;

в) имплементация в судебную практику подхода, связывающего приоритет наследственного договора над завещанием с обязательной проверкой компенсационного механизма.

Это обеспечит конституционный баланс между прижизненным суверенитетом собственника и защитой легитимных ожиданий наследника через диспозитивную синергию гражданско-правовых средств.

Список литературы

1. Хайманова А.О. Принцип свободы договора в наследственном договоре // Инновации. Наука. Образование. 2020. № 22. С. 923-927.
2. Пожилых А.И. История наследственного договора // Уральский журнал правовых исследований. 2020. № 5(12). С. 84-88.
3. Ерлинг А.В., Соловьев Д.Д. Сравнительно-правовой анализ наследственного договора в России и за рубежом // Modern Science. 2019. № 10-3. С. 87-91.
4. Гусейнова А.И. Некоторые вопросы формы и содержания наследственного договора // Закон и право. 2021. № 7. С. 80-82.

5. Емелина Л.А., Яворский С.А. Смешение институтов наследственного права и завещательного отказа: проблемы теории и практики // *Наследственное право*. 2025. № 2. С. 5-9.
6. Братухина Е.В. Проблемы законодательного регулирования наследственного договора в Российской Федерации // *Международный научно-исследовательский журнал*. 2021. № 1-4(103). С. 69-72.
7. Бессараб Н.С. Правовое регулирование наследственного договора в Российской Федерации: актуальные проблемы и пути их решения // *Международный научно-исследовательский журнал*. 2020. № 4-2(94). С. 78-80.
8. Кирмикчи В.И., Агаджанян М.А. Наследственный договор как основание наследования // *Вестник Российского нового университета*. Серия: Человек и общество. 2023. № 4. С. 131-138.
9. Гаджиева С.Н., Шалайкин Р.Н. Проблемы гражданско-правового регулирования наследственного договора // *Аллея науки*. 2021. Т. 2, № 5(56). С. 661-665.
10. Радченко И.В. Некоторые вопросы прекращения договора доверительного управления наследственным имуществом // *Нотариальный вестник*. 2022. № 7. С. 44-48.
11. Шатверян Н.Г., Сбитнева Е.А. Наследственный договор – выгода и риски // *Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление*. 2022. № 6(145). С. 48-51.
12. Коноплянникова Т.В. Принципы наследственного договора как института наследственного права // *Бизнес. Образование. Право*. 2023. № 3(64). С. 248-253.
13. Богдан В.В. Брак Post Mortem: размышления о законопроекте о признании фактических брачных отношений // *Труды Института государства и права Российской академии наук*. 2024. Т. 19, № 3. С. 106-124.
14. Емелина Л.А., Яворский С.А. Банкротство наследственной массы: проблемы правового регулирования и пути их решения // *Банковское дело*. 2024. № 7. С. 71-76.
15. Демьяненко Е.В. О наследственном договоре в российском гражданском законодательстве // *Академический вестник Ростовского филиала Российской таможенной академии*. 2022. № 2(47). С. 81-85.
16. Конохов М.В. О некоторых правовых проблемах, возникающих при реализации института наследственного договора // *Аграрное и земельное право*. 2024. № 8(236). С. 117-120.
17. Ушаков Р.М. Наследственный договор как проявление гражданско-правового дозволения: юридическая природа, законодательная конструкция и возможные проблемы применения // *Право и государство: теория и практика*. 2020. № 3(183). С. 46-50.
18. Шевчук С.С. Наследственный договор и его место в системе гражданско-правовых договоров // *Вестник Санкт-Петербургской юридической академии*. 2020. № 4(49). С. 73-78.
19. Тихонова Е.А. Наследственный договор как новое основание для наследования: понятие и характеристика // *Юриспруденция в теории и на практике: актуальные вопросы и современные аспекты: сборник статей II Международной научно-практической конференции*. Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2019. С. 191-195.
20. Абовян Э.П., Ананьев О.Г. Проблемы наследственного права: завещание, местное завещание, наследственный договор // *Закон и право*. 2022. № 5. С. 59-61.
21. Емелина Л.А., Яворский С.А. Пропорционально-ограниченный легат: новый подход к балансу интересов кредиторов и отказополучателей // *Нотариус*. 2025. № 2. С. 23-29.
22. Тарасова Е.А. Наследственный договор - ожидания и реальность... // *Пермский юридический альманах*. 2020. № 3. С. 379-387.

Reference

1. Khaimanova A.O. The principle of freedom of contract in the inheritance contract. *Innovatsii. Nauka. Obrazovanie = Innovations. Science. Education*. 2020;(22):923-927. (In Russ.)
2. Pozhilykh A.I. History of the inheritance contract. *Ural'skii zhurnal pravovykh issledovaniy = Ural Journal of Legal Studies*. 2020;(5):84-88. (In Russ.)
3. Erling A.V., Solovyev D.D. Comparative legal analysis of the inheritance contract in Russia and abroad. *Modern Science*. 2019;(10-3):87-91. (In Russ.)
4. Guseinova A.I. Some questions of the form and content of the inheritance contract. *Zakon i pravo = Law and Legislation*. 2021;(7):80-82. (In Russ.)
5. Emelina L.A., Yavorsky S.A. Mixing the institutions of inheritance law and testamentary refusal: problems of theory and practice. *Nasledstvennoe pravo = Inheritance Law*. 2025;(2):5-9. (In Russ.)
6. Bratukhina E.V. Problems of legislative regulation of the inheritance contract in the Russian Federation. *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal = International Research Journal*. 2021;(1-4):69-72. (In Russ.)
7. Bessarab N.S. Legal regulation of the inheritance contract in the Russian Federation: current problems and solutions. *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal = International Research Journal*. 2020;(4-2):78-80. (In Russ.)
8. Kirmikchi V.I., Agadzhanyan M.A. Inheritance contract as a basis for inheritance. *Vestnik Rossiiskogo novogo universiteta. Seriya: Chelovek i obshchestvo = Vestnik of the Russian New University. Series: Man and Society*. 2023;(4):131-138. (In Russ.)
9. Gadzhieva S.N., Shalaykin R.N. Problems of civil law regulation of the inheritance contract. *Alleya nauki = Science Avenue*. 2021;2(5):661-665. (In Russ.)
10. Radchenko I.V. Some issues of termination of the contract of trust management of inherited property. *Notarial'nyi vestnik = Notarial Bulletin*. 2022;(7):44-48. (In Russ.)
11. Shatveryan N.G., Sbitneva E.A. Inheritance contract – benefits and risks. *Nauka i obrazovanie: khozyaistvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie = Science and Education: Economy and Economics; Entrepreneurship; Law and Management*. 2022;(6):48-51. (In Russ.)
12. Konoplyannikova T.V. Principles of the inheritance contract as an institution of inheritance law. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law*. 2023;(3):248-253. (In Russ.)
13. Bogdan V.V. Marriage Post Mortem: reflections on the draft law on the recognition of actual marital relations. *Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossiiskoi akademii nauk = Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences*. 2024;19(3):106-124. (In Russ.)
14. Emelina L.A., Yavorsky S.A. Bankruptcy of the inheritance estate: problems of legal regulation and solutions. *Bankovskoe delo = Banking*. 2024;(7):71-76. (In Russ.)
15. Demyanenko E.V. On the inheritance contract in Russian civil legislation. *Akademicheskii vestnik Rostovskogo filiala Rossiiskoi tamozhennoi akademii = Academic Bulletin of the Rostov Branch of the Russian Customs Academy*. 2022;(2):81-85. (In Russ.)
16. Konokhov M.V. On some legal problems arising in the implementation of the institution of inheritance contract. *Agrarnoe i zemel'noe pravo = Agrarian and Land Law*. 2024;(8):117-120. (In Russ.)
17. Ushakov R.M. Inheritance contract as a manifestation of civil law permission: legal nature, legislative structure and possible problems of application. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika = Law and State: Theory and Practice*. 2020;(3):46-50. (In Russ.)

18. Shevchuk S.S. Inheritance contract and its place in the system of civil law contracts. *Vestnik Sankt-Peterburgskoi yuridicheskoi akademii = Vestnik of Saint Petersburg Juridical Academy*. 2020;(4):73-78. (In Russ.)

19. Tikhonova E.A. Inheritance contract as a new basis for inheritance: concept and characteristics. In: *Yurisprudentsiya v teorii i na praktike: aktual'nye voprosy i sovremennye aspekty: sbornik statei II Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii = Jurisprudence in theory and practice: Current issues and modern aspects: collection of articles of the II International scientific and practical conference*. Penza: Nauka i Prosveshchenie (IP Gulyaev G.Yu.); 2019. P. 191-195. (In Russ.)

20. Abovyan E.P., Ananyev O.G. Problems of inheritance law: will, joint will, inheritance contract. *Zakon i pravo = Law and Legislation*. 2022;(5):59-61. (In Russ.)

21. Emelina L.A., Yavorsky S.A. Proportionally limited legacy: a new approach to balancing the interests of creditors and legatees. *Notarius = Notary*. 2025;(2):23-29. (In Russ.)

22. Tarasova E.A. Inheritance contract – expectations and reality.... *Permskii yuridicheskii al'manakh = Perm Legal Almanac*. 2020;(3):379-387. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the Authors

Емелина Людмила Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры междисциплинарных программ и исследований по юриспруденции юридического факультета им. М.М. Сперанского, Институт права и национальной безопасности, Президентская академия, г. Москва, Российская Федерация, e-mail: urconsul1@yandex.ru, ORCID: 0000-0003-2005-6135

Ludmila A. Emelina, Candidate of Sciences (Juridical), Associate Professor of the Department of Interdisciplinary Programs and Research in Jurisprudence, Institute of Law and National Security, Presidential Academy, Moscow, Russian Federation, e-mail: urconsul1@yandex.ru, ORCID: 0000-0003-2005-6135

Яворский Сергей Анатольевич, юрист, ИТ АЛБЯНС, г. Москва, Российская Федерация, e-mail: 491899@mail.ru, ORCID: 0009-0009-2734-9708

Sergey A. Yavorsky, Lawyer, IT ALLIANCE, Moscow, Russian Federation, e-mail: 491899@mail.ru, ORCID: 0009-0009-2734-9708